

DOI: 10.31168/0433-6.17

ПУТЯТИН ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ

Кандидат исторических наук, доцент
кафедра истории южных и западных славян
Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова
putatin@mail.ru

**Филолог-славист С.М. Кульбакин и другие российские
профессора Философского факультета в Скопье
в 20-30-е годы XX в.**

Аннотация: Российская эмиграция сыграла немалую роль в становлении и развитии университетского образования не только в основных научных центрах Югославии (Белград, Загреб, Любляна), но и имела решающее значение для появления новых центров высшего образования (Суботица, Скопье). Только благодаря привлечению российских профессоров и ученых к преподаванию на Философском факультете в Скопье, стало возможно открыть и сохранить факультет, несмотря на все сложности, с которыми столкнулись преподаватели.

Ключевые слова: российская эмиграция, российские профессора, Скопье, Вардарская Македония, Белградский университет.

Интерес к изучению феномена российской эмиграции XX в. (в первую очередь к «первой волне») по-прежнему не утихает среди исследователей. Одно время лицом белой эмиграции в Болгарии и Югославии были офицеры и казаки Русской армии во главе с П.Н. Врангелем, прибывавшие в эти страны из военных лагерей в Галлиполи, в Чатаджи и на острове Лемнос. Впоследствии Русская армия по приказу своего главнокомандующего была преобразована в Русский общевоинский союз (РОВС). Эта и другие политические организации российских эмигрантов находились в поле зрения советских спецслужб, безусловно вписав свою страницу в политическую и военную историю России. Вместе с тем для российской послереволюционной эмиграции характерна не только мощная идеологическая составляющая, но и высокое «качество», элитарность эмигрантского

корпуса¹. Это «качество» предопределило особую миссию российской эмиграции не только по сохранению русской культуры вне границ Советской России, но и ее распространению в славянских странах. О российских эмигрантах в Белграде и Сербии известно достаточно много, поэтому не случайно, что последнее время внимание исследователей привлекают и другие регионы и центры русской диаспоры в Югославии². В их числе была и Вардарская Македония, имевшая свою специфику.

Судьба Вардарской Македонии, являвшаяся яблоком раздора на Балканах, была решена во время Балканских войн. После Первой балканской войны вся территория Македонии оказалась под контролем болгар, сербов и греков. Между недавними союзниками вспыхнули противоречия, приведшие ко Второй Балканской войне, в результате которой Эгейская Македония вошла в состав Греции, Вардарская Македония в состав Сербии, а Пиринский край и район Струмицы в составе Болгарии. В ходе Первой мировой войны, Болгария перешла на сторону Центральных держав, и ее войска заняли территорию Вардарской Македонии в 1915 г. Для болгар македонский вопрос был одним из важнейших в это время³. После поражения Болгарии в Первой мировой войне и подписания Нейского договора, вступившего в силу 9 августа 1920 г., перекройка границ высветила, а точнее усугубила, существовавшую еще со времени Балканских войн (и даже раньше) проблему македонских беженцев, перебравшихся не только в Болгарию, но в США, Австралию и Латинскую Америку. Их численность к началу 1924 г. составила более 5% населения только в Болгарии⁴. Среди македонских эмигрантов в Болгарии, Греции и других странах было достаточно много представителей интеллигенции и политиков. В условиях доминирования сербско-

-
- 1 Цит. по: *Ливовар Е.И.* Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008. С. 96.
 - 2 *Арсеньев А.Б.* Русская эмиграция в Боснии и Герцеговине (1919–1990-е гг.) // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. М., 2011; *Пушкади-я-Рыбкина Т.* Эмигранты из России в научной и культурной жизни Загреба. Загреб, 2007.
 - 3 Подробнее о действиях Болгарии на территории Македонии в годы первой мировой войны см.: *Каширин В.Б.* На вулкане. Русская разведка о необъявленной войне в Македонии и Косове // Родина. 2004. № 9. С. 12–16.
 - 4 *Маковецкая Т.Ф.* Внешнеполитический статус и экономическая конъюнктура в период правления «земледельцев» // Болгария в XX веке. Очерки политической истории. М., 2003. С. 141.

го культурного влияния оставшаяся в стране интеллигенция могла сохранить свою национальную идентичность главным образом посредством создания национально окрашенных литературных и музыкальных произведений⁵.

Многотысячная «болгаро-македонская диаспора» в Болгарии, сосредоточенная по большей части в Софии и провинциальных городах, поддерживалась в своих желаниях и настроениях болгарскими армейскими чинами, офицерскими братствами, частично чиновниками, имела горячих сторонников во всех политических партиях Болгарии⁶. Даже оппозиция не менее правительства была озабочена воцарением в Македонии «болгарского духа», рекомендовала направлять туда лучших учителей, причем активнее привлекать к этому делу выходцев из самой Македонии⁷.

Ситуация в самой Вардарской Македонии был сложной. Она была наречена Южной Сербией, а ее жители официально считались сербами. Несмотря на значительный исход населения, обладавшего болгарским или македонским самосознанием, интеграция жителей этого региона в Королевство СХС проходила тяжелее, чем, например, самоидентификация населения областей, присоединенных к Сербскому княжеству в 1878 г. К тому же, на территории Македонии сохранялся значительный болгарский элемент, а также было немало тех, кто разделял представление о македонской этнической самобытности. Осознававшие себя сербами составляли меньшинство, проживавшее в северных районах. Атмосферу смятения и нестабильности создавали вылазки четнических отрядов с территории Болгарии. Власть не могла опереться на органы местного самоуправления. Чиновников и учителей приходилось приглашать из других районов страны⁸.

Вопрос об интеграции Вардарской Македонии в сербское культурное пространство был поднят сразу после ее завоевания в 1913 г., когда министр просвещения Сербии Любо Йованович в качестве меры по укреплению сербского влияния в регионе предложил основать в Скопье философский факультет как филиал Белградского

5 *Janićević M. Stvaralačka inteligencija međuratne Jugoslavije. Beograd, 1984. S. 175.*

6 Цит. по: *Гришина Р.П. Лики модернизации в Болгарии в конце XIX — начале XX веков. М., 2008. С. 170.*

7 *Шкундин Г.Д. Болгария в годы первой мировой войны // Болгария в XX веке. Очерки политической истории. М., 2003. С. 72-73.*

8 *Чиркович С. История сербов. М., 2009. С. 329.*

университета. Но начавшаяся Первая мировая война нарушила эти планы. К реализации проекта правительство Королевства СХС приступило уже после вхождения территории в состав нового государственного образования. Необходимо отметить, что создание факультета являлось частью общегосударственной культурной политики Королевства СХС. Помимо существовавших Белградского и Загребского университетов, в 1919 г. был учрежден Люблянский университет, что должно было демонстрировать равноправие трех народов, вошедших в новое государство.

Уместно напомнить, что требование о создании университета в Любляне прозвучало из уст словенской интеллигенции в период краткого существования Государства словенцев, хорватов и сербов. В конце 1919 г. в газете «Политика» появилась краткая заметка о подготовке к открытию факультета в Скопье⁹. Из переписки министра просвещения П. Маринковича и ректора Белградского университета Й. Цвиича, понятно, что он должен был стать «сильным центром сербской цивилизации» не только для Македонии, но и для Старой Сербии и Черногории¹⁰. Официальный указ об основании философского факультета в Скопье был опубликован 2 февраля 1920 г. Факультет относился непосредственно к Белградскому университету, но наделялся при этом достаточной широкой степенью автономии, что позволило ему уже после Второй мировой войны безболезненно превратиться в университет и стать полноценным республиканским центром высшего образования и культуры. Показательно, что факультет создавался в регионе со смешанным населением, в том числе сербским. В условиях крайне низкого уровня образования среди населения появление факультета должно было решить как амбициозную задачу возвращения просербски настроенной интеллигенции из числа македонцев, так и образования собственно сербского населения.

Таким образом, пропаганда собственной культуры посредством развития образования стала основополагающим инструментом установления влияния в регионе, как для болгар, так и для сербов. С принятием 28 июня 1921 г. Видовданской конституции можно говорить о начале официальной политики «трехименного народа», в которой не нашлось место для македонцев. На территории Вардарской Македонии конкретное воплощение эта идеология получила в

9 Политика. 1919. 4. XII.

10 *Јовановић В.* Вардарска бановина 1929-1941. Београд, 2011. С. 440.

политике фактической ассимиляции местного населения со стороны сербов. Стремясь укрепить свои позиции в Македонии, королевское правительство стало переселять туда зажиточных сербских крестьян, а также жандармов и представителей российской эмиграции, попавших сюда по железной дороге из Салоник. Сербским переселенцам предоставлялись льготные условия, их освобождали от налогов, а у македонских крестьян отнимали лучшие земли. Эти действия не могли не вызвать акций протеста со стороны местного населения, которые жестоко подавлялись правительственными войсками¹¹.

Другим важнейшим элементом новой культурной политики по воплощению идеологии «трехименного народа» была сфера образования, начиная от начальных школ и заканчивая университетами.

Ярким примером проведения подобной политики служит национальный состав преподавателей новобразованного факультета в Скопье в 20-30-е гг. XX в.: хорваты – Грга Новак¹², Йосип Матасович¹³, Милан Прелог¹⁴; русские – С.М.Кульбакин, П.М.Бицилли, Н.Л.Окунев, В.А.Розов, А.К.Елачич, П.А.Митропан. В.А.Мошин. Но в целом преобладали сербские преподаватели, о чем в частности свидетельствует тот факт, что четырьмя деканами факультета до Второй мировой войны были сербы. Если наличие среди преподавателей представителей разных югославских народов укладывалось в рамки новой государственной политики, то появление русских профессоров было вызвано банальной нехваткой высокообразованных специалистов не только в Вардарской Македонии, но и в целом в Королевстве СХС.

Тем любопытнее первые впечатления и описания трудностей, с которыми пришлось столкнуться русским в Скопье, изложенные в обнаруженной нами в архиве Сербской академии наук и искусств (АСАНУ) переписке С.М.Кульбакина с Александром Беличем¹⁵: «Должен сказать, что Скопье красиво. Из наших окон чудесный вид! Но восточной красавицей приятно полюбоваться издали. От интимного сближения, Боже, упаси! Ни одного дома без миллиона клопов. Европейская часть ничем не отличается от Азиатской. Но и помимо клопов

11 Васильева Н.В., Гаврилов В.А., Миркискин В.А. Балканский узел. М., 2005. С. 83.

12 Новак Грга (1888-1978) – хорватский историк, археолог, ректор Загребского университета.

13 Матасович Йосип (1892-1962) – хорватский историк нового времени, архивист.

14 Прелог Милан (1919-1988) – хорватский историк искусства.

15 Белич Александр (1876-1960) – в это время председатель Государственной комиссии, занимавшейся оказанием помощи русским эмигрантам, впоследствии председатель САНУ, ректор Белградского университета.

здесь есть большие минусы. Вардар, зеленый Вардар завален сором и навозом, в него выводят нечистоты, а он мелкий, потому «благоухает». Самое же ужасное – это пыль – такой пыли я и в Одессе – на Пересыпи не видел. И жители Скопье полны ею; она лезет и в нос, и в рот, и в уши, и в горло и легкие. Поливают раз в неделю. И довершение всего малярия!»¹⁶.

Первым деканом философского факультета в Скопье был выбран сербский филолог Тихомир Остоич¹⁷, с большим энтузиазмом приступивший к организации факультета фактически с нуля. Декан 6 апреля 1920 г. подтвердил решение совета Философского факультета об избрании Кульбакина ординарным профессором славянской филологии по контракту¹⁸. Достаточно долго решался вопрос собственно о выделении здания для факультета, поэтому занятия первоначально проходили в Учительской школе. К занятиям приступили лишь 16 декабря и только на историко-филологическом отделении, поскольку возможности для открытия других отделений попросту не было. С 21 декабря начались регулярные занятия с 60 студентами¹⁹. На самом деле по воспоминаниям очевидцев студентов было гораздо меньше. Вот что пишет С.М.Кульбакин в письме Александру Беличу от 24 декабря 1920 г.: «После обеда бывают ученики Учительской школы, а до обеда от двух и до пяти-шести студентов. У меня на церковно-славянском языке сегодня были трое: из них двое окончили болгарскую гимназию и хотя понимают речь, но записывать не могут, ибо недостаточно для этого знакомы с сербским...Время идет, а мы читаем в пустых аудиториях! Были у нас и вступительные лекции, на которых была публика, но и ее мало. По-видимому, университетом здесь очень мало интересуются. Больше всех во всем Скопье интересуется им генерал Мирко Милославльевич, командующий армией, который не только был на всех вступительных лекциях, но и хочет послушать некоторые курсы дальше»²⁰.

В своем следующем письме А.Беличу от 21 января 1921 г. С.М.Кульбакин указывает на преждевременность и поспешность

16 АСАНУ. Ф.14386. Оп.3. Д.330. Л.16. 20.09.1920.

17 Остоич Т. (1865-1921) – сербский историк, филолог, первый декан философского факультета в Скопье.

18 Русская колония в гр. Скопье (1920-1943 гг.): сборник документов. Скопье, 2015. С. 776.

19 *Јовановић В. „Просвета – најбржи творац нације“: Филозофски факултет у Скопљу 1920–1941 // Токови историје. 2011. № 2. С. 24.*

20 АСАНУ. Ф.14386. Оп.3. Д.330. Л.23-24.

открытия факультета: «Я прихожу к выводу, что в Скопье слишком рано открыли университет...Нужно было раньше больше сербских гимназий в этом крае открыть. Ты вот жалуешься, что уходишь из аудитории, как из бани. А я предпочитаю такую баню пустой аудитории нашей, которая не дает ни импульса к научному творчеству, ни удовлетворения»²¹. Но проблема заключалась не столько в недостаточном количестве гимназий, сколько в крайне плачевном состоянии начальных школ и уровня образования в целом.

С 1919 до 1931 гг. в крае появилось 680 новых школ, большая часть из которых располагалась вдоль границы с Болгарией. Ко многим из них не было проложено дорог должного уровня, а финансирование возлагалось на сами общины (в бюджете Вардарской бановины на школы предназначалось лишь 1,9 из 8,5 миллионов динар)²². Несмотря на эти меры, согласно результатам переписи 1931 г. лишь 29,1% населения старше 10 лет владело грамотой²³. Эта ситуация весьма напоминает то, что происходило в самой Сербии на рубеже XIX – начала XX в.: «В селе, где школа существует 30 лет и где почти все прошли через нее, при призыве в армию оказалось, что из 40 бывших учеников только двое умеют читать и писать; 15 человек не умеют писать, но кое-что читают, а остальные и не читают, и не пишут. В том, что эти дети, по окончании школы, уходят в горы пасти скот и никогда больше не берут книгу в руки, виноваты не учителя. Просто у нас никто не желал об этом думать – ни одно правительство не предложило лекарства от болезни. И какой смысл в том, что такие большие деньги тратятся на учителей и школы, если в действительности народ не имеет от них никакой пользы, ибо те, кто после сельской школы решает продолжить занятия, идут в чиновники, священники или становятся сельскими писарями – остальные дети забывают все»²⁴. К тому же философский факультет в Скопье долгое время считался «женским», так как большую часть его студентов в 1920-е гг. составляли девушки. В основном это были дочери сербских чиновников и военных из Южной Сербии, предпочитавших оставлять их при себе. Серьезной проблемой для обустрой-

21 АСАНУ. Ф.14386. Оп.3. Д.330. Л.26.

22 *Димић Л.* Културна политика Краљевини Југославији. 1918-1941. Београд, 1997. Књ. 2. С. 101.

23 Там же. С. 113.

24 *Шемякин А.Л.* Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX - начала XX в. глазами русских // Человек на Балканах и процессы модернизации. СПб., 2004. С. 43.

ства студентов стало элементарное отсутствие здания общежития, которое было построено и открыто лишь в 1931 г. при помощи личных средств короля Александра Карагеоргиевича и сербского патриарха Варнавы. При этом собственно большая часть студентов была не македонцами, а сербами из близлежащих регионов, что вполне укладывалось в те задачи, которые ставились перед факультетом еще перед его открытием.

Учитывая непростую ситуацию в регионе в целом, вопрос о целесообразности существования факультета и сомнения в проводимой Белградом культурной политике возникали на протяжении всего времени его существования. Так, в письме от 14 июля 1921 г. С.М.Кульбакин отмечал: «Кнежевич²⁵ сказал, что устройство университета в Скопье было политической ошибкой, что об устройстве каких бы то ни было музеев в Скопье нечего и думать, т.к. все предметы нужно направлять в Белград, чтобы не создавалась иллюзия, будто Македония представляет какую-либо самостоятельную культурную или политическую единицу. Неужели от взгляда правительства; т.е. неужели из опасения, что явятся какие-то иллюзии должно отказаться от задачи культурного завоевания Македонии, долгое время испытывавшей болгарскую политическую и культурную пропаганду. Во всяком случае, если Скопский университет ошибка, то разумнее сознаться в этом и его упразднить, а не тратить деньги на бутафорию, на 20 студентов, из которых 10-15 бугарашей»²⁶.

И это действительно были не пустые слова, поскольку в октябре-ноябре 1921 г. профессор Грга Новак сообщал, что «Прибичевич²⁷ решил было перевести наш университет в Сараево, но Станое²⁸ воспротивился этому и вопрос отложен, хотя и не закрыт окончательно...это было бы действительно грубой политической ошибкой»²⁹. Но кроме политики, существенной проблемой для новообразованного государства оставалась нехватка специалистов и финансовых возможностей. Вопрос о закрытии факультета поднимался в 1927

25 Кнежевич Лазар (1876-1932) – директор Первой мужской гимназии г. Белград, занимал ряд постов в Министерстве просвещения.

26 АСАНУ. Ф.14386. Оп.3. Д.330. Л.42. 14.07.1921.

27 Прибичевич Светозар (1875-1936) – сербский политик, с 1920 по 1922 гг. занимал пост министра просвещения Королевства СХС.

28 Станоевич Станое (1874-1937) – сербский историк, энциклопедист, академик САНУ.

29 АСАНУ. Ф.14386. Оп.3. Д.330. Л.53.

г., а также во время мирового экономического кризиса в 1932-1933 гг.³⁰, когда государство особенно нуждалось в средствах.

Другой проблемой была постоянная нехватка преподавательских кадров. На факультете в Скопье насчитывалось всего около десятка профессоров, в этих условиях трудно говорить о создании кафедр или новых отделений. Вопрос подчас стоял и о сохранении преподавательского состава, как отмечал С.М.Кульбакин в письме от 24 сентября 1921 г.: «Действительно Скопский университет рождается в муках. По мне это добрый знак. Что сразу идет как по маслу обычно потом лопается. Но все же нужно бы нам в Белграде найти самоотверженных людей, которые бы сюда приехали помочь нам. Но таких мало, а все стремятся из Скопья, как Ристич³¹, и притом чуть ли не немедленно. Остоича, кажется, вообще некем заменить»³². Надо сказать, что не только сербы отказывались от возможности преподавать на факультете, но даже и некоторые русские. Так, Николай Михайлович Бубнов, историк-медиевист и бывший декан Историко-филологического факультета Киевского университета, за первые несколько месяцев своей жизни в Королевстве СХС успел пожить в Нише, Крушевце, побывал в Белграде, Загребе и Любляне, но так и не добрался до Скопье, куда получил официальное назначение. Бубнов предпочел преподавать не на новом факультете, а в новом университете в Любляне, где он и прожил до своей кончины в 1943 г.

Первый декан Тихомир Остоич, проделавший немало работы и потративший много сил для открытия факультета, из-за болезни уже после первого учебного года покинул Скопье и вскоре скончался. В этих непредвиденно тяжелых обстоятельствах выходом могло бы стать привлечение на факультет русских специалистов и создание надлежащих условий для поддержания научной жизни. Безусловным символом принятия русских ученых явилось бы избрание новым деканом наиболее заслуженного профессора факультета в Скопье Степана Михайловича Кульбакина, которому и предложил столь высокий и ответственный пост Александр Белич в приватном письме. Крайне любопытен его ответ: «Ты спрашиваешь, можно ли меня деканом назначить. Но, мой друг, ты хотя и не путаешь мост до-

30 Петреска Д. Филозофскиот факултет во Скопје од 1920 година. http://www.fzf.ukim.edu.mk/index.php/mk/?option=com_content&view=article&id=576&Itemid=637&lang=mk-MK.

31 Ристич Светомир (1886-1971) – философ, лексикограф.

32 АСАНУ. Ф.14386. Оп.3. Д.330. Л.48. 24.09.21

военный и послевоенный, однако совсем отстал. Интересно, ты знаешь, что Груич³³ меня ненавидит, Джерич³⁴ не может простить, что я вместе с Остоичем и Ристичем выразил ему недоверие, Остоич отсутствует; но дело не в том, а главное: я же не имею права стать деканом. Как заявил Джерич на заседании в связи с предложением Ристича выбрать меня, что согласно с новым университетским уставом, несербские подданные не могут быть ректорами, деканами и даже голосовать. А глава финансовой управы сказал секретарю, что если бы выбрали русского, то он бы не давал университету денег по актам, подписанным деканом не подданным»³⁵.

В самом деле, Королевство СХС гостеприимно приняло многочисленных русских эмигрантов и создало для них максимально комфортные условия, которые только могло себе позволить в условиях послевоенного разорения, перекройки границ и тяжелой внутриполитической ситуации. Однако некоторые сербские преподаватели университета сочли несправедливыми законодательные положения, дающие, по их мнению, необоснованные привилегии их русским коллегам. Государственно-политические и социально-экономические интересы той или иной страны далеко не всегда совпадают с обыденным сознанием и представлениями людей, с их каждодневными материальными заботами, связанными с продвижением по службе, даже если эти люди являются профессорами университета. На этой почве возникли и откровенно конфликтные ситуации на разных факультетах.

Подобное произошло и на философском факультете в Скопье. Так, в популярной сербской газете «Политика» появилась заметка о тревожной ситуации на факультете, в связи с избранием профессором очередного русского, якобы известного своими болгарофильскими симпатиями, в то время как профессорский состав и так в основном русский³⁶. На кого же намекал анонимный автор заметки? Ответ мы находим в письме С.М.Кульбакина А.Беличу от 17 апреля 1921 г.:

«1) Мы единогласно избрали Лаппо на место Бубнова³⁷. Не знаю правильно ли это формально. Но мы не увеличивали числа рус-

33 Груич Радослав (1878-1955) – протоиерей, историк, член-корреспондент САНУ, декан Философского факультета в Скопье, директор музея СПЦ.

34 Джерич Василий – филолог, этнограф, декан Философского факультета в Скопье.

35 АСАНУ. Ф.14386. Оп.3. Д.330. Л.49. 2.10.21

36 Политика. 1921. 10. IV.

37 Бубнов Николай Михайлович (1858-1944) прибыл в Королевство СХС в феврале 1920 г., и уже 11 июня того же года был назначен внештатным профессором философского факультета в Скопье, но в ноябре перешел в Люблянский уни-

ских профессоров. Лаппо наверное не болгарофил и даже в Софии не был. Избирали: Остоич, Груич, Ристич и я. Бицилли и Окунев не имеют голоса. 2) Мы избрали единогласно ассистентом Флоровского, которого предложил Ристич по рекомендации Бицилли, как талантливое молодое ученого; Груич признает, что никаких данных о его болгарофильстве не имеется. «Негодование» связано с тем, что он живет в Софии; но мы – никто из нас – не видели в этом вины, ибо он не мог выбраться из Болгарии, куда его занесла буря несчастья. Есть люди, которые попали в Египет, отнюдь не из любви к Египту»³⁸.

В результате этой «невинной» интриги, Иван Иванович Лаппо в 1921 г. переехал в Прагу, где стал преподавать на юридическом факультете Русского народного университета, а Георгий Васильевич Флоровский, живший в Болгарии, в декабре 1921 г. также получил приглашение в Прагу, куда вскоре и перебрался. Вся дальнейшая деятельность этих ученых ярко продемонстрировала, каких специалистов потерял не только философский факультет в Скопье, но и все югославское общество и наука.

Этот случай имел и более широкие последствия для первых русских преподавателей факультета. Как уже отмечалось, профессоров было немного, число их варьировалось на протяжении всего межвоенного периода. По сути с нуля, без каких-либо традиций, из людей с разной судьбой, принадлежащих к разным поколениям, имеющих свои собственные научные интересы, создавался новый коллектив. Согласно переписке С.М.Кульбакина с А.Беличем за клеветнической заметкой в «Политике» стоял Радослав Груич, привезший из Белграда лозунг: «русских на 2-ой план, русские не мешайтесь и не мешайте»³⁹. Ситуация внутри коллектива после этой злополучной публикации накалилась до предела: «На заседании был инцидент. Теперь Ристич бросил ему (Р.Груичу. – В.П.) обвинение в лицо. Ристич принял вызов и собирается доказать ему, что он был в «Политике»...Между тем как у нас таким образом продолжаются ссоры, в которых русские не принимают участие, факультет наш оскудевает силами»⁴⁰. К сожалению, и новому декану Василию Джеричу не

верситет на должность договорного ординарного профессора философского факультета. Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом. Белград, 1931. Вып. 1 (1920-1930). С. 50–51; Незабываемые могилы. Российское зарубежье: Некрологи. 1917–1999. Т. 1. М., 1999. С. 429.

38 АСАНУ. Ф.14386. Оп.3. Д.330. Л.27-28.

39 АСАНУ. Ф.14386. Оп.3. Д.330. Л.64.

40 Там же. Л.51.

удалось нормализовать ситуацию и погасить конфликт. С.М.Кульбакин пишет: «Бицилли и Окунев не ходят на заседания и держатся совершенно в стороне – им легче, но они и могут это, т.к. Джерич и не приглашает их. Если бы мне было разрешено не посещать заседаний, я был бы счастлив.

Какой исход из этого? Не знаю. Ясно, что или Ристич, или Груич должен уйти. Но вот, что важно: как сделать так, чтобы не пострадали интересы университета и сербского имени?»⁴¹.

Вскоре факультет покинул Светомир Ристич. Но это были далеко не единственные потери факультета. На следующий год Николаем Львовичем Окуневым (1886–1949), читавший курсы лекций по археологии, древней истории, истории христианства и истории искусства. Лекции им читались на русском языке, поскольку, по его мнению, студентам-македонцам было легче понять русскую, а не сербскую речь⁴². Окунев перебрался в Прагу, где стал сотрудником Института Н.П. Кондакова⁴³ и профессором Карлова университета по истории византийского и восточнославянского искусства. Во время Второй мировой войны он работал в Славянской библиотеке в Праге. Прославился Окунев главным образом как собиратель архива и галереи славянского искусства в Праге. Крупным успехом ученого стала организованная им большая историческая выставка русского искусства XVIII–XX вв. – одна из самых значительных в истории эмиграции в период между Первой и Второй мировыми войнами, которая состоялась весной 1935 г. в Праге⁴⁴. Причины, подтолкнувшие Н.Л.Окунева к оставлению преподавания на факультете в Скопье и даже отъезду из страны, были частично изложены выше. К сожалению, изменения в законе касались не только русских специалистов, заслуженно претендующих на кресло декана или ректора, но и тех, кто не успел войти в штат и продолжал работать по контракту, что отразилось на их материальном положении. С.М.Кульбакин горячо просил за своих коллег А.Белича: «Если же неисправимо, то должно провести Бицилли и Окунева в штатные контрактные. Пусть Станое не боится преобладания русских; во-первых, сербов четверо, а русских двое, во-вторых, я ничего дурного для сербов не проголосую; в-третьих, кажется, что по новому университетскому закону ино-

41 Там же. Л.60.

42 Бирман М.А. П. М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество. М., 2018. С. 68.

43 Косик В.И. Русская церковь в Югославии (20-40-е гг. XX века). М., 2000. С. 248.

44 Янчаркова Ю. Славянская коллекция профессора Окунева // Родина. 2006. № 4.

странные подданные не имеют права голоса. Пожалуйста, подумай о Бицилли и Окуневе и устрой так, чтобы им не пришлось поступать в приказчики»⁴⁵. Но ситуация не изменилась, и молодой и перспективный Окунев навсегда уехал из страны, что безусловно надломило и П.М.Бицилли, и С.М.Кульбакина.

Если в случае с Окуневым можно говорить о некоей недооценке юного ученого, то ситуация с Петром Михайловичем Бицилли выглядела совсем иначе: «Его управление (В.Джерича. – В.П.) роняет достоинство университета, вредит его интересам и отталкивает нас, русских, приехавших с искренним желанием послужить сербской науке и сербскому просвещению. Меня, конечно, это не может свихнуть, но я не был бы удивлен, если бы другие охладели, ибо утверждаю, что к ним относятся плохо, а они этого не заслужили.

Когда в апреле приехал Груич и сообщил, что отныне ни один русский не будет избран, ни один гонорарный русский не может быть ни экстраординарным, ни ординарным, я думал, что это его фантазии. Но теперь вижу со скорбью, что это как будто так. Говорят, что Станое торопит Костица – напечатать хоть что-либо, чтобы и его представить в экстраординарные профессора. Бицилли написал в 10 раз больше Костица, а главное несравненно выше и Костица, и Новака и как ученый, и как профессор, а не может получить экстраординарного профессора. Впрочем дело не в звании: он не получает как русские гонорарные профессора в Белграде 6 тысяч динар основного оклада, а получает 4,8 тысяч динар... Стало быть элементарная справедливость нарушена. Если бы не было русских в Скопье, то и факультета не было бы»⁴⁶. К тому же, выплаты часто задерживались, постепенно уменьшались и носили нерегулярный характер, что не могло не беспокоить контрактных преподавателей.

П.М. Бицилли жаловался А.В. Фроловскому, что условия работы становятся все хуже, и сказывается отсутствие средств для функционирования кафедр и для научных командировок, в результате чего русские преподаватели стали покидать факультет⁴⁷. Бицилли с пессимизмом смотрел в будущее, где, как ему представлялось, его ждали только одиночество, тоска и полная бессмысленность и беспо-

45 АСАНУ. Ф.14386. Оп.3. Д.330. Л.67.

46 АСАНУ. Ф.14386. Оп.3. Д.330. Л.62.

47 Цит. по: Аксенова Е.П. Русские ученые-эмигранты первой волны в Югославии (по материалам архива А.В. Фроловского) // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 149–150.

лезность существования. Безусловно эти чувства рождались и из-за неустроенности быта, но немаловажную роль играла и обстановка на факультете, и сама среда, мало способствующая научным изысканиям и преподаванию в университете. К тому же после отъезда С.М.Кульбакина в Белград он стал последним из трех русских преподавателей, работавших на факультете с момента его основания. Неудивительно, что после политических перемен в Болгарии, приведших к отъезду целого ряда российских эмигрантов, на ставшее вакантным местом заведующего кафедрой всеобщей истории Софийского университета 17 октября 1923 г. министерство по рекомендации академика Н.П. Кондакова согласилось на избрание П.М. Бицилли⁴⁸. Весть об этом видимо не сразу достигла до Скопье, т.к. в своем письме от 2 ноября 1923 г. ученый писал А.В. Флоровскому о своей готовности занять в Праге место учителя или корректора в русском издательстве⁴⁹. Несмотря на свое тяжелое материальное положение, Петр Михайлович не сразу оставил Скопье, дочитав положенные ему лекции в осеннем семестре. Вместе с семье Бицилли переехал в Софию в январе 1924 г. Все время пребывания в эмиграции Бицилли был членом Русского академического союза вплоть до роспуска его отделения в Болгарии после переворота 9 сентября 1944 г. Параллельно с научной и преподавательской деятельностью в Софийском университете он активно сотрудничал в периодических изданиях русского зарубежья. В конце 1948 г. по истечении срока контракта с университетом Петр Михайлович был освобожден от должности без права на пенсию. Зарубежная и эмигрантская печать почти не обратила внимания на его смерть. Между тем труды ученого и по сей день представляют собой большую научную ценность⁵⁰. Он был последним из трех русских преподавателей, стоявших у истоков философского факультета в Скопье и покинувших его в столь короткий срок.

Необходимо отметить, что помимо средств на содержание преподавателей, нужны были и средства для развития собственно самой науки (книги, научные журналы, командировки), но их также не хватало. С.М. Кульбакин писал: «Мирославово Евангелие движется медленно. Чувствуется страшное неудобство, что не с кем поговорить,

48 Бирман М.А. Указ. Соч. С. 93.

49 Там же. С. 91.

50 Архив Србије (АС). Ф. Београдски университет. Г-200. Записи Универзитетског већа. 1923. Л.49; Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С. 90–92.

на каждом шагу. Многие книги все еще нельзя достать»⁵¹. В городе не было научной библиотеки, лишь благодаря помощи со стороны Матицы сербской, Сербской королевской академии и сербского семинара Белградского университета удалось сформировать центральную факультетскую библиотеку для студентов, численность книг в которой достигла 60 тысяч наименований к началу 30-х гг. XX в⁵².

Громадной проблемой не только для русских, но и для преподавателей других национальностей после основания факультета стало полное отсутствие научной среды и единомышленников в провинциальном Скопье. Отчасти эту проблему должно было решить создание Скопского научного общества, получившего с 1925 г. государственное финансирование и начавшее издавать собственный журнал «Гласник», на страницах которого печатались статьи по истории, этнографии, филологии и др. наук. Помимо издательской деятельности, общество занималось просветительской работой, читались открытые лекции для широкой публики и студентов. Во многом благодаря именно профессорам университета в 1923 г. в городе появился Музей Южной Сербии, в которой были представлены копии фресок, макетов монастырей и прочие атрибуты средневековой истории края.

В то же время многие русские эмигранты примерно в это время стали явственно осознавать и чувствовать потерю родины. Если большинство из них эмигрировало с намерением в скором времени вернуться в Россию, то постепенно эти иллюзии сходили на нет. «Сегодня особенно ощущаю, что я вне родины, от одного берега отстал, а к другому не пристал, и возможность пристать все более от меня психологически отдаляется. Значит, быть вечным изгнанником и никогда не чувствовать себя среди своих, дома», – писал С.М.Кульбакин А.Беличу в письме от 21 апреля 1922 г.⁵³ Другим разочарованием стали частые столкновения с сербскими коллегами, закономерно расценивавшими русских как конкурентов, к тому же зачастую обладающих большими знаниями. С.М.Кульбакин с горечью сообщал о своих ощущениях А.Беличу: «Я знаю, что народ сербский относится к нам хорошо, может мне лучше проситься профессором гимназии. Я могу преподавать латынь, всеобщую историю и даже матема-

51 АСАНУ. Ф.14386. Оп.3. Д.330. Л.56.

52 *Јовановић В.* Оп. cit. С. 434.

53 АСАНУ. Ф.14386. Оп.3. Д.330. Л.71. 21.4.1922.

тику 6 класса. Лучше это, чем оставаться таким контрактуральным профессором, на которого смотрят как на лишнего»⁵⁴.

Особый интерес представляют дневниковые записки П.С. Бобровского, характеризующие сложный характер взаимоотношений сербов и русских в это время: «Притерпелся я к чувству национального позора. И это хорошо. Иначе было бы невозможно жить, ибо на каждом шагу оно бьет по нервам. Я в столице страны, которую без всяких кавычек можно назвать победительницей. Я среди народа, который все поставил на карту в борьбе, потерял даже территорию – и, в конце концов, победил. И не только победил, но и увеличил свое национальное государство во много раз. Я вижу в лицах, в голосах сербов отпечаток заслуженной гордости. И вот среди них мы, русские, еще недавно сыновья огромной и могущественной России, их защитницы, а теперь – оборванные, жалкие нищие. Я ненавижу свой жалкий костюм, по которому всякий серб без ошибки узнает во мне русского «избеглица». Жаловаться на отношение сербов к нам мы не можем. Но ведь это отношение богатого родственника к бедному. И потом это бесправие»⁵⁵.

Поразительно перекликаются с этими записками строчки из письма С.М.Кульбакина, посвященные его супруге: «И если она, успокаивая меня, не удержалась, и слезы появились на глазах, не из-за денег, а от того что и она почувствовала, что на нас смотрят как на каких-то не только чужих, но и на второго сорта людей. Ведь все это связано с другими нефинансовыми чертами в отношениях»⁵⁶.

24 февраля 1924 г. по указу короля Александра Карагеоргиевича Степан Михайлович получил звание ординарного профессора⁵⁷. На следующий год, Степан Михайлович также оставил факультет в Скопье и перешел на философский факультет Белградского университета. 16 февраля 1925 г. Кульбакин первым из российских ученых-эмигрантов стал действительным членом САНУ, что, безусловно, свидетельствовало о его заслугах перед новой родиной. В декабре 1928 г. в СССР произошло массовое исключение членов-корре-

54 Там же. Л.72.

55 *Бобровский П.С.* Крымская эвакуация // Белое дело: Избр. произв. В 16 кн. Кн.13. М., 2003. <http://www.dk1868.ru/history/BOBROVSK.htm>.

56 АСАНУ. Ф.14386. Оп.3. Д.330. Л.72.

57 Русская колония в гр. Скопье (1920-1943 гг.): сборник документов. Скопье, 2015. С. 797.

спондентов и академиков из рядов Академии, среди исключенных был и С.М. Кульбакин, восстановленный лишь в 1990 г.⁵⁸

Тем не менее, факультет не был полностью оставлен русскими. В 1924 г. на нем только начали преподавать филолог-славист Владимир Алексеевич Розов (18.07.1876, Киев – 21.05.1940, Загреб) и историк Алексей Кириллович Елачич (6.01.1892, Киев – 1941, Белград).

Владимир Розов еще 16 марта 1920 г. обратился к А. Беличу с просьбой помочь ему в трудоустройстве. Просьба, видимо, была удовлетворена, поскольку ученый в том же году переехал в Королевство СХС и с 1920 по 1924 гг. преподавал в духовной семинарии св. Саввы в Сремских Карловцах. Затем Розов преподавал русский язык на философском факультете в Скопье, а в 1930 г. переехал в Загреб, где с 1932 г. преподавал уже на философском факультете местного университета⁵⁹.

В отличие от Розова, оставившего факультет в Скопье, Алексей Кириллович Елачич посвятил ему всю свою жизнь, проведенную и окончившуюся в Югославии. Надо сказать, что к выбору новых преподавателей даже сами русские подходили крайне взвешенно, хотя и отлично понимали то положение, в котором пребывают их соплеменники. С.М.Кульбакин в письме от 17 апреля отмечал: «А мы сами русские отклонили здесь русского Елачича, и я поддерживал желание Ристича провести Лоренца»⁶⁰. Несмотря на это, А.К.Елачич не опустил руки, и после защиты докторской диссертации по философии в Люблянском университете в 1924 г., начал преподавать на философском факультете в Скопье. Однако война прервала не только его научную деятельность, но и жизнь. Согласно воспоминаниям В.А.Мошина, после оккупации Югославии, А.К.Елачич не выдержал психического потрясения и скончался по пути в Белград в Нишской психиатрической больнице⁶¹.

После Елачича, с 1926 г. на факультете начал преподавание Евгений Васильевич Аничков (1866, с. Боровичи— 21.10.1937, Бел-

58 Робинсон М. А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М., 2004. С. 198.

59 АСАНУ. Ф.14386. Оп.3. Д.77; Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом. Белград, 1931. Вып. 1 (1920-1930). С.262–264; Косик В.И. Русская церковь в Югославии (20-40-е гг. XX в.). С. 250; Пушкадия-Рыбкина Т. Указ. Соч. С. 179.

60 АСАНУ. Ф.14386. Оп.3. Д.330. Л.30.

61 Мошин В.А. Под теретом. Београд, 2008. С. 129.

град).⁶² Его предметами были: сравнительное литературоведение, средневековая европейская культура, французская литература XIX в., а для российских студентов читал специальные лекции на русском языке по предмету «Русская литература второй половины XIX в.»

Следующие русские преподаватели появились на факультете уже в самом начале 30-х гг. XX в. По всей видимости, это было связано с принятием в июне 1930 г. нового закона об университете. В преподавательский состав всех факультетов официально (неофициально это произошло много раньше) вводились новые должности – внештатный (гонорарный) профессор, внештатные преподаватели и лекторы. Увеличивалась и зарплата преподавателей университета, несмотря на непростую экономическую ситуацию для Югославии.

Среди русских преподавателей, пришедших на факультет в 30-е гг., был Петр Андреевич Митропан (13.09.1891, Орел – 6.12.1988, Белград) с 1931 по 1941 г. занимавший должность договорного лектора грамматики русского языка. Митропан с 1920 г. преподавал русский язык и литературу в учительской школе г. Скопье, входил в состав правления русской колонии. После Второй мировой войны он работал лектором на философском факультете Белградского университета вплоть до 1962 г., когда вышел на пенсию. Им был написан ряд монографий, наиболее значительной из которых является работа «Периодическая печать Южной Сербии» (1937 г.). Также Митропаном было написано множество статей о русских писателях XIX в. (Лермонтове, Пушкине, Толстом и др.)⁶³.

С 1930 г. на факультете стала преподавать выпускница Елена Александровна Ошанина, в годы Второй мировой войны переехала в Болгарию, откуда в 1955 г. переехала в Москву, работала библиотекарем в Библиотеке иностранной литературы, а затем в Государственной публичной научно-технической библиотеке.

Судьба подчас преподносит удивительные сюрпризы. Так, Владимир Алексеевич Мошин (1894–1987, Скопье), посвятивший

62 Ко је ко у Jugoslaviji. Beograd, 1928. S. 8; *Тименчик Р.Д.* Аничков Е.В // Русские писатели. 1800–1917. Т.1. М., 1989. С. 77–78; *Ђурић О.* Руска литерарна Србија. 1920–1940. Београд, 1990. С. 62–64; *Успенски Е.* О поетици симболизма у књижевности руских емиграната у Београду // Руска емиграција у српској култури. Т.1. Београд, 1994. С. 5–9; Српски биографски речник. Т.1. Нови Сад, 2004. С. 235.

63 Ко је ко у Jugoslaviji. Beograd, 1970. S. 682; *Ђурић О.* Op. cit. С. 137–138; *Стојнић М. П.* Митропан // Анали филолошког факултета. 1992. Год. 19. С. 647–650; *Кончаревич К.* Вклад русских эмигрантов-филологов // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 251–253.

большую часть жизни философскому факультету в Скопье, столкнулся с неожиданными препятствиями при своем устройстве. Сам он об этом писал так: «Осенью того года [1930] был распisan конкурс на место доцента византиноведения в Скопье. Я подал заявление. Факультет избрал референтами профессоров Д.Анастасиевича и Ф.Гранича, которые написали самый положительный отзыв о моих работах. Выборы прошли единогласно, с тем чтобы я, кроме кафедры византиноведения, принял от профессора Гранича и предмет древней истории, а поскольку процедура с утверждением моего избрания могла затянуться, факультет в интересах преподавания ходатайствовал о немедленном моем назначении, хотя бы в качестве прикомандированного до моего утверждения. В весеннем семестре 1931 г. я уже преподавал в Скопье историю Византии и Римского царства. Между тем вопрос моего «утверждения» затянулся «по не зависящим от меня обстоятельствам»⁶⁴. Только в 1938 г. В.А. Мошин был снова приглашен в качестве доцента на философский факультет в Скопье, где его застала немецкая оккупация. После перехода Македонии под власть Болгарии, профессорский состав факультета был причислен к философскому факультету Белградского университета. Мошин переехал в Белград, где продолжил преподавание (в том числе в гимназии).

В 1945 г. Мошин принял советское гражданство, но остался в Югославии и не вернулся на родину. Ученый стал директором Архива Академии наук и искусств, в течение шести лет он плодотворно работал в Народной библиотеке Белграда, затем в Народной библиотеке Скопья, в 1971–1974 гг. был ординарным профессором филологического факультета университета в Скопье по кафедре истории южных славян. Свидетельством его заслуг стало избрание членом-корреспондентом Македонской Академии наук. За годы плодотворной работы в Югославии им было написано большое количество работ на сербском и русском языках по византинистике и истории южных славян⁶⁵.

64 Из воспоминаний академика, протоиерея В.Мошина // *Косик В.И.* Русская церковь в Югославии ... С. 196.

65 *Štefanić V.* Vladimir Mošin o 75 godina života. Zagreb, 1969; *Живојиновић М.* В.А. Мошин – историчар Свете Горе // *Руска емиграција у српској култури XX в.* Београд, 1994. Т. 1. С. 154–162; *Булатова Р.В.* Основатель югославской палеографической науки – В.А. Мошин // *Русская эмиграция в Югославии.* М., 1996. С. 183–200; *Живоинович М.* В.А. Мошин как историк Афона // *Русская эмиграция в Югославии.* М., 1996. С. 174–183; *Косик В.И.* Русская Церковь в Югославии...С.

Надо признать, что жизненный путь Владимира Алексеевича Мошина был скорее счастливым исключением из общей судьбы русской эмиграции в Югославии. Многие ученые под воздействием разного рода обстоятельств покинули приютившую их братскую славянскую страну. К сожалению, во многие судьбы вмешивалась не только политика, но и гораздо более прозаичные причины. Именно в Скопье и Македонии эти обстоятельства во многом вредили русским эмигрантам. Несмотря на провозглашение идеологии интегрального югославизма, в Македонии фактически продолжала проводиться политика Сербии начала XX в., направленная на ассимиляцию населения, в том числе и с помощью культурной пропаганды. При этом средств и возможностей в условиях непрекращающейся деятельности ВМРО постоянно не хватало. Весь межвоенный период «македонский вопрос» был в тени «хорватского вопроса». Только после Второй мировой войны, уже в социалистической Югославии македонцы были провозглашены одним из народов Югославии, у них появилась своя республика и университет в Скопье.

В условиях, когда Вардарская Македония провозглашалась Южной Сербией, во взаимоотношениях между сербскими и русскими преподавателями факультета играли роль определенные стереотипы (о том, что у русских исключительные отношения с болгарами, и интересы последних для них выше сербских), а также и самые обыкновенные человеческие страсти. Русские старались не вмешиваться в вопросы политики и заниматься лишь научными изысканиями, что подпитывало существующие стереотипы по отношению к ним. Как для русских, так и для хорватских и словенских профессоров, преподавание на факультете было шагом вынужденным, или из-за молодости и нехватки опыта, или из-за непростых жизненных обстоятельств. Все это порождало постоянную ротацию преподавательского состава на протяжении всего межвоенного периода. В этих условиях, достаточно сложно говорить о какой-либо последовательной культурной политике. К тому же немногие преподаватели разделяли идеологические установки официального Белграда. Сербы рядом своих действий оттолкнули русских профессоров, и это в определенной степени предопределило слабость факультета, как основного элемента проводимой культурной политики в регионе. Уже в

246; *Бондарева Е.А.* Владимир Алексеевич Мошин (1894-1987) // История и историки: Историографический вестник. М., 2003. С. 293–310; *Мошин В.А.* Под теретом. Београд, 2008.

конце 1930-х гг. на факультете достаточно окрепли позиции македонской молодежи, т.е. случилось именно то, чего так опасались сербские интеллектуалы: создаваемые учреждения культуры и образования послужили основой для формирования македонской нации и провозглашения ее государства уже в социалистической Югославии.

Vladimir Putyatin, Ph.D.,
Moscow state University

Philologist-Slavicist S.M. Kulbakin and the other Russian professors of the Faculty of Philosophy in Skopje in the 1920s and 1930s

Abstract: The Russian emigration has played a significant role in forming and developing the University education not only in the key scientific centers of Yugoslavia (Belgrade, Zagreb, Ljubljana), but also was crucial for the emergence of the new centers for higher education (Subotica, Skopje). Only thanks to the involvement of the Russian professors and scientists to teach at the faculty of Philosophy in Skopje, it became possible to open and maintain the faculty, despite all the difficulties that the teachers have faced.

Key words: Russian emigration, Russian professors, Skopje, Vardar Macedonia, University of Belgrade.